

РОССИЙСКИЙ ЭЛЕКТОРАТ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РАЗРЫВ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС ГЕНДЕРНОЙ СЕГМЕНТАЦИИ

Парадоксально, что электоральные исследования редко обращались к анализу известного демографического факта — преобладанию численности женщин как в структуре населения, так и в общей численности избирателей. Эта демографическая диспропорция характерна для ряда стран мира, и Россия, в которой женщины составляют 54 % населения¹, не является исключением из мировой практики.

Следовательно, главная отличительная черта российского женского электората состоит в его перевесе над мужским. В этой ситуации роль женского электората огромна как в количественном, так и в качественном плане: часто результаты выборов во многом зависят от голосов женщин. Поэтому изучение специфики поведения женского электората необходимо не только для того, чтобы показать роль женщин в современном обществе и уровень демократических перемен, но и для сугубо утилитарных политтехнологических целей — достижения побед в избирательных кампаниях как на местном, так и федеральном уровне (президентских, думских и т. д.).

По состоянию на начало января 2004 г. общая численность населения России составила 144,2 млн человек, из них 67,0 млн мужчин и 77,2 млн женщин². На 1000 мужчин приходится 1151 женщина. Динамика структуры населения России по полу представлена в табл. 1.

Таблица 1

Динамика структуры населения России по признаку пола³

Годы	Население на начало года, млн чел.	В том числе		Доля женщин в общей численности населения, %	Число женщин на 1000 мужчин
		мужчины	женщины		
1960	119,046	53,257	65,789	55	1235
1970	129,941	59,161	70,780	55	1196
1980	138,127	63,610	74,517	54	1171
1990	147,662	69,112	78,550	53	1137
1995	147,938	69,486	78,452	53	1129
1998	146,740	68,824	77,916	53	1132
2000	145,500	68,650	76,850	53	1119
2002	143,954	67,287	76,667	53	1139
2004	144,168	67,024	77,144	54	1151

Поскольку отечественная статистика не учитывает численность избирателей в половозрастном разрезе, нам пришлось обратиться к общим половозрастным данным о структуре населения России.

Перевес женского населения над мужским, обусловливаемый половозрастными закономерностями смертности населения, более значителен в старших возрастных группах. Этот перевес начинается с 30 лет и в дальнейшем только увеличивается. В возрастных группах моложе 30 лет, наоборот, наблюдается перевес мужского населения. Это является результатом действия биологических факторов (так как в расчете на 100 девочек рождается 107 мальчиков). При достижении юношеского возраста численность

© Кочкина Е. В., 2006

¹ Российский статистический ежегодник, 2004. М.: Росстат, 2004. С. 81.

² Там же. С. 38.

³ Демографический ежегодник России. М.: Росстат, 1998. С. 38; Российский статистический ежегодник, 2004. С. 77—81.

мужчин и женщин постепенно выравнивается в связи с более высоким уровнем смертности мальчиков. Существенным фактором перевеса мужчин в России в молодых возрастных группах является также миграция мужского населения молодого возраста из стран СНГ и Балтии. Кроме того, численное преобладание женщин объясняется разной продолжительностью жизни российских мужчин и женщин, а также потерями мужского населения в военных действиях. В 2003 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении россиянки составила 72,0 года против 58,8 лет для мужчины⁴.

Следует обратить внимание и на еще одну деталь — перевес женского населения в структуре электората значительно больше, чем в общей структуре населения. При рассмотрении динамики этих показателей обнаруживается, что в электоральной части населения перевес численности женщин не только стабилен, но и имеет тенденцию к возрастанию. Следовательно, при наличии различий в соотношении общей численности населения по полу в электоральном возрасте они будут еще больше. Другими словами, перевес численности женского электората в первую четверть XXI века в России всегда будет больше, чем «женский» перевес в общей численности населения.

Таким образом, особенности демографической структуры населения страны определяют численность и социальные пропорции избирательного контингента. По нашим расчетам численность российского электората на начало 2004 г. составила 114,0 млн человек, в том числе мужчин — 51,6 млн человек, женщин — 62,4 млн человек. Что дает перевес женщин в 11,8 млн. человек. Примечательно, что этот перевес («демографический разрыв») в электорате увеличивается год от года. Если учесть, что в 2000 г. превышение женщин-избирательниц над мужчинами составляло 10,5 млн человек⁵, то сегментарный прирост всего-навсего за 4 (!) года стал «небольшим» числом в 1,3 млн избирательниц. Этот демографический разрыв в российском электорате сохранится не только до федеральных выборов следующего цикла в 2007—2008 гг. Значит, борьба за 10 % электората, который может оказаться стратегически важным, будет продолжена. Быть может, даже «гендерно-ориентированные» партии будут включать в свои стратегии победы в выборах и гендерные интересы избирательниц.

Заметим, что такие демографические расчеты нужны для осуществления общественного контроля над структурами, составляющими списки избирательного контингента на выборах любого уровня (федерального или регионального). Сопоставление этих данных показывает, что, как правило, численность избирательного контингента по спискам примерно на пять-шесть миллионов человек меньше, чем расчетные показатели. Число избирателей, включенных в списки для голосования на выборах Президента РФ 14.03.2004 г., составило 107 727 274 человек, а 26.03.2000 г. — 108 566 269 человек⁶. Это означает, что в каждой избирательной кампании несколько миллионов людей оставались вне избирательных списков для голосования.

Таким образом, во-первых, количественный потенциал всех избирателей *значительно* больше, чем внесенное их число в списки для голосования, и, во-вторых, численность женщин-избирателей гораздо больше, чем мужчин.

Российский электорат: пол как фактор явки избирателей

Анализ электорального поведения в развитых странах показывает, что чем выше уровень демократического и социально-экономического развития страны, тем больше масштабы вовлеченности женщин в выборы как в статусе избирателей, так и избранных.

⁴ Российский статистический ежегодник, 2004. С. 77.

⁵ Данные приведены по статье Е. В. Кочкиной и М. М. Кириченко «Политические ориентации: демографические различия и gender gap (гендерные различия), 2001 г.» (готовится к печати в 2006 г.).

⁶ Выборы Президента Российской Федерации, 2004: Электоральная статистика. М.: Весь мир, 2004. С. 26.

В начале перестройки недовольство наиболее активной части населения сложившимися условиями жизни способствовало росту участия широких масс в политической жизни общества — митингах, демонстрациях, забастовках, а также в выборах как федерального, так и местного уровня. Однако столь бурное политическое участие не принесло ощутимых изменений в личное и семейное благополучие людей и привело большинство населения к разочарованию ходом экономического и социального реформирования. Очевидно, что это связано с тем типом реформ, который был избран Правительством России, и длительное нахождение России в кризисном состоянии привело к общему снижению политической активности масс — все меньше людей стали ходить на митинги, а теперь митинги стали редкостью, как, впрочем, и демонстрации с забастовками. Мы воздерживаемся от комментариев по вопросу о причинах фактического исчезновения форм прямого политического волеизъявления граждан в силу того, что данная работа посвящена электоральной активности.

Вследствие разных обстоятельств только активное избирательное право осталось единственной стабильной формой участия большинства людей в политической жизни страны.

Как известно, легитимация любого режима происходит на выборах. Итоги проведенных выборов показывают, что уровень явки на избирательные участки в 90-е и в начале 2000 г. в среднем составлял 60—70 % от общего числа избирательного контингента (с марта 1989 г. по март 2004 г. в России было проведено шесть парламентских и четыре президентских избирательных кампаний).

В выборах Президента РФ в марте 2004 года приняли участие 69 581 761 избиратель, или 64,39 % включенных в списки голосования⁷. По данным Фонда «Общественное мнение», в выборах президента проголосовали 69 % женщин и 64 % мужчин⁸.

В выборах депутатов Государственной Думы 7 декабря 2003 г. принимали участие 59 684 768 избирателей, или 54,80 % от числа включенных в списки на избирательных участках⁹.

Показатель в 54,8 % — это предгрозовой перевал для тех, кто не хочет, чтобы путь его прервался на следующем цикле выборов! Явка избирателей — это головная боль для всех кандидатов, кто хочет победы на выборах и получения мандата на власть. Если граждане не приходят на выборы в требуемом законом числе, то выборы не считаются состоявшимися. Исчезновение старых форм фактически принудительной явки на избирательные участки ставит перед политическими партиями задачу привлечь избирателей проголосовать. А тенденции сокращения явки избирателей (электорального абсентизма) стремительные. Так, в 2003 г. по сравнению с 1999 г. явка избирателей в целом по Российской Федерации снизилась более чем на 6 %. Это сокращение произошло всего-навсего за 5 лет. Кто-то объяснял такой феномен тенденцией депопуляции России. Однако демографически и исторически это неграмотно — пока у нас голосуют граждане, которые были рождены до перестройки, и очевидно, что абсентизм — явление из сферы процессов в политической культуре. Следует отметить, что российский абсентизм — явление не точечное, а общероссийское: из 89 субъектов РФ снижение явки избирателей отмечалось в 78 субъектах (мы оставляем пока в стороне вопрос о том, как скажется на выборах 2007 г. новация в виде выборов по партийным спискам. С учетом зачаточного характера развития партийной системы, недоверия к партиям логично предположить, что это еще более собьет процент).

В связи с тенденцией электорального абсентизма любая демократическая власть начинает искать способы, как «удержать» и «вернуть» избирателей, и предпринимает усилия по диверсификации пропагандистской работы с разными сегментами электората.

⁷ Там же. С. 98.

⁸ Айвазова С. Г., Кертман Г. Л. Мы выбираем, нас выбирают. М.: Олита, 2004. С. 71.

⁹ Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, 2003: Электоральная статистика. М.: Весь мир, 2004. С. 141.

Если, как указывалось выше, общая избирательная активность российского общества относительно высока (по сравнению с европейскими показателями) и явка избирателей может колебаться от 55 до 70 % от их общей численности, то явка молодых людей в возрасте 18—29 лет особенно низка: всего лишь 20—30 %. А уже через 5—10 лет именно это поколение составит основной электоральный контингент.

Борьба за «молодежный» электорат требует довольно затратных методов, которых, очевидно, не избежать. Менее затратные формы школьной политической социализации как средство против будущего абсентизма помогут только в работе с будущими избирателями, которые вольются в электорат через 3—5 лет. А выборы проходят каждые 4 года, и электоральная поддержка необходима партиям безотлагательно.

Не случайно в поисках «электорального резерва» власть обратила внимание на феномен разрыва в явке мужчин и женщин. По данным Фонда «Общественное мнение», в выборах 2003 г. женщины, как и в 1999 г., проявили более высокую электоральную активность, чем мужчины (58 % против 55 %, а в 1999 г. соответственно 66 % и 59 %) ¹⁰. На общем фоне явки в разных электоральных сегментах явку и активность женщин (58—69 %) можно считать достаточно высокой. К вопросу гендерной природы подобного положения дел и политических последствий гендерного разрыва в явке избирателей мы вернемся еще раз в конце статьи.

Российский электорат: обретение гендерных различий

Каждый раз, когда мы анализируем выборы как механизм свободного волеизъявления граждан, мы должны учитывать, что это абстрактное обсуждение. Так как поведение избирателей в реальной ситуации изначально предопределенно теми институтами, которые проводят выборы, и их неустранимым несовершенством (дефектностью). На основе той информации, которая у нас имеется о поведении избирателей, можно сказать, что это поведение, которое ограничено изначально заданными параметрами (не только конституционным дизайном, но и ландшафтом реальности). Очень часто политтехнологические искажения условий проведения выборов настолько велики, что социологические выводы о поведении избирателей не имеют смысла либо оказываются очень далекими от реальности.

В целом сама ситуация проведения справедливых выборов довольно проблематична и для стран развитой демократии, а особенно для постсоветских стран. Словарное определение демократии предполагает эффективное функционирование всех институтов, представляющих и защищающих интересы, права всех граждан. Хотя не стоит сбрасывать со счетов и прагматичное определение демократии как формы правления, сопряженной с наименьшим злом. Как иронично заметил польский политолог, дипломат Богдан Горальчик, «в предвыборной кампании кандидаты всячески обхаживают избирателей, а потом... два мира: ведущие и ведомые. Через несколько месяцев по прошествии любых выборов формируется, а впоследствии лишь возрастает разница между тем, что ожидали избиратели, и тем, что они получили в действительности. В результате этого либо растет апатия избирателей, либо наступает радикализация народных масс и политической обстановки» ¹¹.

Но в любом случае, даже когда выборы проходят в условиях недостаточной институционализации демократии (манипулятивности, если давать грубую характеристику) и воспроизводят политическую несправедливость, являются буффонадой невыполнимых предвыборных обещаний, остается надежда на то, что рано или поздно демократические механизмы будут способствовать благополучию все большей группы

¹⁰ Айвазова С. Г. Кертман Г. Л. Указ. соч. С. 5.

¹¹ Горальчик Б. Куда исчезли чары // Мир перемен. 2005. № 3. С. 126.

граждан страны. А профанация выборов властью часто становится как раз механизмом ее делегитимации в перспективе.

Хотелось бы еще напомнить, что нас интересуют не только выборы сами по себе, но и то, как результаты этих выборов оказывают влияние на перспективы политики гендерного равенства в России. Это вопрос в духе идей либерального феминизма. Позволим себе упомянуть и то, что для современного социалистического феминистского анализа концепция либеральной демократии — это изначально бесперспективное предприятие, которое в силу своих сущностных характеристик никогда не сможет обеспечить права своим гражданкам¹². Зарубежные исследования электорального поведения женщин показали, что оно во многом зависит от амбивалентной природы общественного мнения, гендерно-стереотипизированной политической культуры и динамики партийной борьбы¹³. И каждый раз в предвыборных кампаниях общественное мнение превращается в средство достижения утилитарных целей и в меньшей степени служит для преобразования общества, защиты прав и интересов населения (и женщины-избирательницы не исключаются властью). Хотя само общественное мнение, как правило, находится в эфемерном состоянии, особенно когда социологи измеряют отношение респондентов к политическим событиям и социально-экономическим процессам в стране. Данные исследований общественного мнения стабильнее, когда они касаются вопросов условий жизни респондентов и их семей. Такое представление о содержании общественного мнения разделяют многие исследователи, например авторы книги «Право избирать и факторы, влияющие на его реализацию»¹⁴.

В сложной социально-экономической ситуации 90-х гг., когда изначально высокий уровень доверия населения к власти постоянно снижался, произошли не только структурные реформы всех систем общества, но изменились и основополагающие принципы жизни для массы населения, действующие правила социальной игры и социального взаимодействия, правила повседневной жизни. Не случайно в ситуации социальных катаклизмов и трансформаций (для кого-то это была трансформация и получение собственности, а для кого-то — катаклизм) отовсюду исчезла атмосфера консенсуса и согласия. Появились новые открыто противостоящие друг другу идентичности («класс собственников» и «класс наемных работников») и новые дискурсы в СМИ, часто шокирующие сохраняющиеся традиционные постсоветские стереотипы и ценности. Не отдельные граждане или группы, а население целой страны попало в сложное стрессовое состояние, затянувшееся на десятилетие. Многие люди, как мужчины так и женщины, испытывали чувство полной социальной незащищенности (хотя паттерны внешнего проявления сильно различаются для мужчин и женщин. Здесь работает эффект и правила гендерной репрезентации). В таких условиях трудно сохранять личную иерархию жизненно важных ценностей и соотносить ее с предлагаемыми политическими «проектами» (и проявлять ответственную политическую активность).

Если мы захотим вообразить идеального российского гражданина и гражданку, способных рационально совершить ответственный личный выбор на парламентских или президентских выборах за судьбу страны, то скорее всего они должны работать в каком-то аналитическом центре, ведущем стратегические разработки судеб страны. По тем информационным пропагандистским избирательным кампаниям и тому, в каком «затрапезном виде» предлагались политические программы партиями, как они

¹² *Пейтман К.* Феминизм и демократия // Гендерная реконструкция политических систем. СПб.: Апетейл, 2004. С. 946. См. также: *Брайсон В.* Политические теории феминизма. М.: Идея-пресс, 2001 С. 240—268, 166—188.

¹³ *Шведова Н. А.* Законодательные реформы в США в 1970-х годах — начале 2000 г. // Гендерная реконструкция политических систем. С. 144—171; *Степанова Н. М.* Культура гендерных отношений в политических партиях и парламенте Великобритании // Там же. С. 225—255.

¹⁴ *Михайловская И. Б., Кузьминская Е. Ф.* Право избирать и факторы, влияющие на его реализацию. М., 1996.

озвучивались (часто представлялись просто в унижительных жанрах и оскорбительных тонах), электоральный выбор не может быть осуществлен рационально. Это невозможно даже при наличии высшего образования и массы свободного времени для активного просмотра пропагандистских партийных телевизионных кампаний и шоу. Не случайно действительно рационально мыслящие и личностно тонкоструктурированные граждане свободных профессий (интеллигентские круги) последовательно игнорируют политические дебаты. Вот откуда берутся политический абсентизм и эскапизм. В этих условиях для массы населения ценности «выживания» (по типологии психологических мотивов А. Маслоу — ценности базового уровня, более низкого уровня) становятся наиболее значимыми.

Учитывая все вышесделанные замечания, мы все-таки обращаемся именно к анализу репрезентативных опросов общественного мнения как к методу, позволяющему нам прояснить некие закономерности в электоральных ориентациях. При обсуждении факторов, влияющих на электоральное поведение, мы пытаемся уточнить, является ли признак пола значимым в ходе голосования. Нас также интересует, каким именно образом пол как признак дифференцирует электоральные предпочтения? И какое влияние на становление политики гендерного равенства оказывают различные паттерны голосования мужчин и женщин (негативное или позитивное)? И соответственно нас интересует вопрос о том, насколько возможно деление электората на три группы по шкале отношения к ценностям гендерного равенства (например, с точки зрения поддержки мужчин или женщин как кандидатов на выборах, значимости при выборе пола кандидата): «явно поддерживающие женщин», «явно поддерживающие мужчин», «не выделяющие признака пола». Подобные оценки позволяют нам определить гендерные пропорции в электорате (дифференциация не по полу, а по отношению к ценностям гендерного равенства) и, значит, электоральную базу гендерной повестки в России.

Начнем с обзора академических и социологических исследований. Незначительное число специальных трудов по проблеме различий в политических ориентациях российских мужчин и женщин известны еще с 1994 г. Редкие из них опирались на исследования с общероссийской выборкой¹⁵, и их данные четко зафиксировали наличие значимых различий, опровергая расхожий тезис о природном консерватизме политических ориентаций женщин. Они также обозначили существование значимых различий в вопросе отношения к проблеме равенства мужчин и женщин в политике. Появившиеся позже, начиная с 2000 г.¹⁶, данные позволяли сделать важные политические выводы относительно политической роли гендерных различий, очертить перспективы продвижения женщин в ходе выборов. Разберем подробнее.

Годом политического рождения феномена «женский электорат» можно условно считать 1993-й. Скорее всего до этого момента особенности политических пристрастий женщин оставались не проявленными. По данным одного обзора, следует, что в 1993 г. электорат блока «Женщины России» в основном состоял из женского населения,

¹⁵ *Силласте Г. Г.* Социо-гендерные отношения в период социальной трансформации // Социол. исслед. 1994. № 3; *Шпак Е.* Российское общественное мнение об участии женщин в современном российском политическом процессе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1998. № 6 (38); *Мелешикина Е. Л.* Политические ориентации и электоральное поведение женщин Самарской области // Женщина в зеркале социологии. Иваново: Юнона, 1997; *Она же.* Отношение женщин Самары к общественным организациям // Социальная феминология: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 1. Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 1997; *Константинова В.* Власть и женщина, женщины во власти... // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массовое сознание. Т. 2. М.: МФФ, 1998.

¹⁶ *Андриенкова А.* Представительство женщин в парламентах России и Украины // Социол. исслед. 2000. № 11; *Варданян Р. А.* Женский электорат России // Народонаселение. 2000. № 2; *Айвазова С., Кертман Г.* Мужчины и женщины на выборах: Гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг. в России. М.: Эслан, 2000.

преимущественно из молодых женщин (до 45 лет) со средним и средним специальным образованием, среди которых преобладали служащие, интеллигенты, крестьяне, домохозяйки¹⁷. В ходе выборов 1995 г. блок «Женщины России» как будто имел большую электоральную поддержку и ему отдавали свои предпочтения 40 % из всех опрошенных женщин, выказывавших поддержку какому-либо политическому объединению¹⁸. По данным Института сравнительных социальных исследований (ИССИ)¹⁹ за 1993—1999 гг., можно с уверенностью говорить, что движение «Женщины России» на 80 % имело женский электорат, как бы он не изменялся по своей численности. Но «общая поддержка населением движения “Женщины России” была довольно малой (в сравнении с поддержкой избирателями других партий) и при этом со временем снижалась. Если в 1993 году это движение поддерживали 4 % населения, то в 1995 году — 3 % и 2 % в 1999 году. На выборах в 1993 году за него голосовали женщины 18—49 лет, в меньшей степени — женщины старше 50 лет. На выборах в 1995 году женщины старше 50 лет практически отказались голосовать за этот блок, а электорат возрастных групп 18—49 лет пропорционально сократился на 25 %. К 1999 году произошло еще раз пропорциональное сокращение “поддерживающих” “Женщин России” по всем возрастным группам, только теперь уже в два раза по сравнению с предшествующими выборами»²⁰.

Удивительно (на это обращает внимание А. Г. Андриенкова), что электорат 1993 г. «Женщин России» характеризовался как электорат со средним и высоким доходом, а вовсе не с обездоленными «новыми бедными», но уже в 1995 г. эта характеристика исчезает и электорат составляют пропорционально женщины с разными доходами — высокими, средними и низкими. Можно даже сказать: несмотря на то что к 1995 г. движение потеряло поддержку во всех «доходных группах», в группе с низкими доходами оно потеряло несколько меньше, чем в группе с высокими доходами. С точки зрения семейного положения по имеющимся данным не представляется возможным оценить степень поддержки.

Параллельно с открытием женского электората у «Женщин России» некоторые социологические центры в разных публикациях в СМИ отмечали в 1993 г. различия между поддержкой женщинами и мужчинами разных блоков. В материалах анализа избирательных блоков 1995 г. Управления Президента РФ по вопросам взаимодействия с политическими партиями, общественными объединениями, фракциями и депутатами Федерального Собрания²¹ из 64 блоков три — «Женщины России», Ивана Рыбкина и «Общее дело» — были отмечены как блоки, имевшие собственный женский электорат.

Если в самом начале 90-х гг., как мы уже писали выше, исследовательские данные не фиксировали различий (руководители социологических центров ссылались на отсутствие заказов), то в конце 90-х появляются социологические политические исследования ФОМа, ВЦИОМа, ИССИ, в которых пол рассматривается в качестве одного из факторов анализа.

По данным ИССИ 1993—1998 гг., женский и мужской электорат уже различались в своих политических и партийных пристрастиях, что мы и называем «гендерным разрывом» (от англ. «gender gap»). Приведем эти данные: в выборах 1993 г. на 3 % больше мужчин поддерживали КПРФ (11 % мужчин, 8 % женщин), на 6 % больше —

¹⁷ Россия: партии, выборы, власть. М.: Обозреватель, 1996. С. 130.

¹⁸ *Gigli S. Toward increased participation in the Political Process // Transition. Vol. 1. № 16. 1995. Sept. P. 21.*

¹⁹ Всероссийский опрос участвовавших в голосовании проводился Институтом сравнительных социальных исследований в июне — июле 1995 г. Совокупные данные, полученные на основе двух всероссийских опросов населения России, проведенных ИССИ в июне — июле 1995 г. и в марте 1996 г. (Совокупный объем выборки составил 3684 человека. Случайные многоступенчатые вероятностные выборки населения России 18 лет и старше. Метод опроса — личное интервью на дому у респондента. Расчеты сделаны А. Г. Андриенковой).

²⁰ Из комментариев А. Г. Андриенковой к расчетам и данным распределений по полу.

²¹ Российские политические партии и общественные объединения на выборах в Государственную Думу-95, Федеральное Собрание РФ. М.: Юрид. лит., 1996.

«Демократический выбор России», на 7 % — ЛДПР (16 % мужчин, 10 % женщин). Здесь же фиксировалась большая поддержка женщинами (11 % женщин, 4 % мужчин) блока «Женщины Россия» и «других партий» (38 % мужчин, 45 % женщин).

Более того, анализ позволяет говорить о том, что политические пристрастия мужчин и женщин менялись от выборов к выборам, причем менялись по-разному. Можно сказать, что начала происходить некая политическая избирательность блоков женским и мужским электоратами. Разумеется, менялся и «гендерный разрыв». Приведем анализ данных ИССИ по выборам 1995 г. Данные свидетельствуют об изменении гендерных пропорций в электорате КПРФ — если в 1993 г. в нем было преобладание мужчин, то теперь электорат увеличился и в нем преобладали женщины (23 % мужчин, 25 % женщин), причем значимое увеличение электората произошло за счет увеличения количества «женских голосов» в три раза. Электорат Жириновского к 1995 г. сократился преимущественно за счет сокращения в два раза женского электората (11 % мужчин, 5 % женщин). По сравнению с 1993 годом пропорции незначительно большей поддержки женщинами блока «Яблоко» сохранились при общем несущественном увеличении электората (10 % мужчин, 11 % женщин). Данные и приведенные выше гендерные различия в голосовании могут свидетельствовать о преимущественной поддержке женщинами партий и блоков социал-демократической ориентации, женщины в два раза меньше поддерживали патриотические (КРО) и экстремистские партии (ЛДПР).

Следующее исследование — это исследование по выборам 1999—2000 гг. Согласно анализу С. Г. Айвазовой и Г. Л. Кертмана²², который был сделан по данным опросов общественного мнения, проведенных Фондом «Общественное мнение», в ходе парламентских выборов 1999 г. и Президентских 2000 г. гендерный разрыв проявился в следующих формах:

- 12 %-й гендерный разрыв в списках избирателей, свидетельствующий о демографических различиях российского электората (56 % женщин, 44 % мужчин);
- 7 %-й гендерный разрыв, свидетельствующий о преобладании женщин среди избирателей, реально осуществивших свой выбор (66 % женщин, принявших участие в выборах от женщин-избирательниц, 59 % мужчин);
- 4—6 %-я гендерная разница в поддержке различных блоков 1999 г. (на 2 % женщин больше проголосовало за блок «Яблоко» и на 4 % больше за блок «Медведь» и «другие партии», не преодолевшие барьера; на 6 % мужчин больше — за блок Жириновского, на 3 % мужчин больше — «против всех»);
- 0—2 %-й гендерный разрыв свидетельствует, что не проявлена разница в отношении к ряду блоков в 1999 г. (электорат наполовину состоял из мужчин и женщин у КПРФ, ОВР, СПС);
- 1—3 %-я гендерная разница проголосовавших «против всех» (на 3 % больше мужчин), отказавшихся отвечать (на 2 % больше мужчин);
- 5—9 %-я гендерная разница в учете мнений других людей (женщины чаще прислушиваются к мнению других);
- 8 %-я гендерная разница в доверии к разным партийным лидерам;
- 4 %-я разница в определении своих решений за неделю до выборов для женщин по сравнению с мужчинами;
- 13 %-я гендерная разница по вопросам ведения военных действий федеральными войсками в Чечне;
- 6 %-й гендерный разрыв по участию в президентских выборах 2000 г. (женщин приняло участие 72 %, мужчин 66 %);
- 6 %-й гендерный разрыв в поддержке кандидатуры Путина (мужчин проголосовало 32 %, женщин — 38 %).

²² Айвазова С. Г., Кертман Г. Л. Гендерный анализ избирательных кампаний в России в 1999, 2000 гг. // Гендерная реконструкция политических систем. С. 564—601.

Аналогичные выводы о существовании «гендерного разрыва» на выборах в 2003, 2004 г. можно сделать и по данным С. Г. Айвазовой, Г. Л. Кертмана, опубликованным в 2004 г.²³ К списку следует добавить различия в степени интереса и времени, которые мужчины и женщины тратят на отслеживание пропагандистских избирательных кампаний.

Здесь нам кажется уместно также привести и уникальные данные ВЦИОМа (1990—2005 гг.), касающиеся профессионального участия женщин в политике²⁴. Вопросы задавались в рамках «Мониторинга» ВЦИОМа в 1990, 1994, 1998 и 2005 г. Задавалось два вопроса: «Согласны ли Вы с тем, что в политике лучше обойтись без женщин?» (1990 и 1994 г.), и «Как Вы думаете, женщин-политиков в России должно быть больше, примерно столько же, меньше, чем сейчас, или женщины в принципе не должны участвовать в политике»? (1998 г.). В 2005 г. был задан аналогичный вопрос. Также был добавлен ряд новых вопросов: относительно политических предпочтений, связанных с полом (пол кандидата в Президенты; пол политика, который лучше защитит интересы женщин; предпочтительный пол чиновника при обращении в органы власти); относительно существования специфических социально-политических интересов у женщин и целесообразности введения квот на выборах (уровень квотирования). Все имеющиеся данные по этим вопросам свидетельствуют о существовании «гендерного разрыва». Более того, эти четыре опроса дают нам возможность аналитически разделить электорат на 5—6 групп, каждой из которой присуща своя мера гендерной озабоченности и чувствительности. Подобная концептуализация может быть сделана в рамках методологии, разработанной Н. А. Нечаевой. Она предложила использовать комплекс понятий, описывающих «гендерную картину мира». Н. А. Нечаева понимает под «гендерной картиной мира» «... упорядоченную, относительно непротиворечивую и внутренне связную, структурированную совокупность существующих в обыденном сознании социокультурных ориентаций, ценностей, установок, идеалов, в которых находит отражение социальная дифференциация полов»²⁵. Вслед за нею мы используем два других понятия — сознание с «патриархатной доминантой» и с «феминистской доминантой»²⁶.

Возвращаясь к эмпирическим данным ВЦИОМа. Так как вопросы 1990, 1994 и 1998 гг. намного менее информативны, чем данные 2005 г., мы в целях сравнения данных по годам разделяем респондентов только на две идеологически полярные группы. К первой группе мы причисляли респондентов, которые высказывались против идеи гендерного равенства, а ко второй тех, кто его поддерживал. Каждая группа имеет свой комплекс гендерных ориентаций: «патриархатная доминанта» и «феминистская доминанта». Согласно данным ВЦИОМа (табл. 2), в России на протяжении 15 лет шел довольно активный процесс поддержки эмансипаторских настроений (протофеминистских) как у мужчин, так и у женщин. Группа с «патриархатной доминантой» сознания значительно сокращалась (уменьшилась в 3 раза), а группа с «феминистской доминантой» увеличилась в 1,5 раза. Расширение группы с «феминистской доминантой» происходило как за счет сокращения группы с «патриархатной доминантой», так и за счет сокращения группы «затруднившихся ответить».

²³ Айвазова С. Г., Кертман Г. Л. Мы выбираем, нас выбирают. М.: Олита, 2004.

²⁴ Шпак Е. Российское общественное мнение об участии женщин в общественном процессе // Гендерная реконструкция политических систем. С. 560; Всероссийский опрос ВЦИОМа проведен 3—4 декабря 2005 г. Опрошены 1594 человека в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4 %. <http://top.rbc.ru/index4.shtml>

²⁵ Нечаева Н. А. Патриархатная и феминистская картины мира: анализ структуры массового сознания // Гендерные тетради / Ред. А. А. Клецин. СПб., 1997. Вып. 1. С. 19—20.

²⁶ Здесь мы не ставим для себя задачу раскрыть эти понятия. Ограничимся только замечанием, что оба используемые понятия не равны феминистскому сознанию и идентичности или патриархатному сознанию и идентичности.

Таблица 2

**Распределение электората по вопросу о продвижении женщин в политике,
% ответов по выборкам**

Типы ответов	Год опроса			
	1990	1994	1998	2005
Патриархатная доминанта	27	25	18	8,5
Феминистская доминанта	56	62	73	80
Затруднились с ответом	17	13	9	11.5

Как показывают сравнительные данные по годам, группа с «патриархатной доминантой» уменьшилась за 15 лет в 3 раза и, наоборот, ярко обозначилась тенденция одобрения возрастания политического участия женщин, группа с «феминистской доминантой» увеличилась в 1,5 раза. Частично это происходило за счет роста поддержки женщин-кандидатов со стороны женщин-избирательниц на уже прошедших выборах.

Также ярко проявляется гендерная асимметрия между ответами мужчин и женщин. В этой группе, которая сократилась с 27 % (1990 г.) до 8,5 (2005 г.), число мужчин в 1,5 раза больше, чем женщин.

Таблица 3

**Распределение по полу в группе с «патриархатной доминантой»,
% ответов по выборкам**

Респонденты	Год опроса			
	1990	1994	1998	2005
Всего	27	25	18	8,5
Мужчины	Нет данных	32	29	11
Женщины	« «	18	10	6

Из табл. 3 видно, что в 1998 г. из 10 человек приблизительно только 2—3 высказывались против участия женщин в политике, причем скорее всего это были мужчины, нежели женщины. А в 2005 г. из десяти человек может и не найтись ни одного, который рискнет высказаться против участия женщин в политике.

Таблица 4

**Распределение по полу в группе с «феминистской доминантой»,
% ответов по выборкам**

Респонденты	Год опроса			
	1990	1994	1998	2005
Всего	56	62	73	80
Мужчины	Нет данных	54	61	78
Женщины	« «	69	82	82

Табл. 4 показывает, что из 10 женщин 8 высказывали в 1998 г. одобрение женщинам, занимающимся политикой, а из 10 мужчин — только половина. В 2005 г. уже сложно встретить человека, который бы не поддержал в публичной дискуссии тему о продвижении женщин в политике. Причем поражает малое расхождение между «женским» и «мужским» общественным мнением (мы также оставляем в стороне наши прогнозы относительно изменения этого и иных параметров, хотя данные должны быть очень интересными для предвыборных оценок 2007—2008 гг.).

Вышеприведенные данные частично подкрепляются данными исследований центра «Башкирова и партнеры». Благодаря этим данным мы можем подтвердить, что группа с «феминистской доминантой» готова поддержать женщину в качестве Президента России (63 %), не согласится с мнением, что лучшие политические деятели получают из

мужчин (41 %), считает, что женщины в нашей стране не имеют равных прав с мужчинами (40 %) ²⁷.

Достоверно известно из нашего анализа данных мониторинга ВЦИОМа на протяжении всех 90-х годов, что изначально наиболее значимые гендерные расхождения фиксировались по таким вопросам, как аборт, отношение к порнографии, проституции, насилию в обществе и СМИ, военным действиям и войнам.

Теперь подведем итоги и сведем вместе все те формы электорального поведения, в которых проявляется «гендерный разрыв» по данным демографической статистики и социологических опросов. Итак, по данным опросов общественного мнения, в ходе парламентских и президентских выборов в 1990—2005 гг. гендерный разрыв устойчиво проявился в следующих формах: в списках избирателей; в явке на выборы; в поддержке политических блоков (различающихся как по идеологической шкале, так и по гендерной символике); в доверии к партийным лидерам; в голосовании «против всех»; в поддержке женщин-кандидатов; в учете мнений других людей; в степени интереса к политической рекламе и в сроке принятия решения, как проголосовать; в предпочтениях к полу Президента РФ и в реальной поддержке кандидатур на пост Президента России.

По данным опросов общественного мнения, в преддверии выборов или между выборами «гендерный разрыв» проявлялся также в отношении: фактического равенства мужчин и женщин; уровня представленности женщин в политике, политических предпочтений, связанных с полом (пол кандидата в Президенты; пол политика, который лучше защитит интересы женщин; пол чиновника как представителя органов власти); существования специфических социально-политических интересов у женщин; целесообразности введения квот на выборах и процента квотирования; вопросов о доступности абортов, легализации порнографии и проституции, распространенности насилия в обществе и СМИ, начала и продолжения военных действий ²⁸. В целом набирается порядка 12 индикаторов «гендерного разрыва» по ходу выборов, а также 14 индикаторов, связанных с «гендерной картиной мира» избирателей.

Сделанный нами краткий обзор скорее обозначает, нежели анализирует системность проявления гендерных различий при голосовании. Гендерный разрыв — это не уникальный российский феномен. Он известен политической науке уже давно — в начале прошлого века в западной науке обсуждались вопросы консерватизма женского электората и его незначительности, в России, наоборот, обсуждались проблемы доминирования женского электората в годы Первой мировой войны.

Гендерный разрыв активно эксплуатируется политтехнологами XXI века. Наиболее адекватная объясняющая модель природы происхождения подобной разницы предложена в рамках гендерного подхода. Как известно, гендерная методология революционным образом разрешает вопрос о соотношении природного и социального между мужчинами и женщинами. В России существует устойчивая разница (разрыв) в 6—20 % в электоральных предпочтениях мужчин и женщин. Сложно сказать, существовала ли такая гендерная разница (гендерный разрыв) в выборах 1989 или 1990 г.? Для этого необходим специальный вторичный анализ массива данных. Но скорее всего эта разница проявлялась на протяжении 15 лет в минимальном интервале от 4—6 % по ключевым вопросам. Эти данные дают еще один повод надеяться, что рост гендерного самосознания происходит.

²⁷ Аналитический материал «О чем говорят массовые опросы: гендерные особенности электорального поведения населения» представлен на конференции межпартийной ассоциации «Женщины в политике» 28 июля 2005 г.

²⁸ См. работы С. Г. Айвазовой и Г. Л. Кертмана, указанные в данной статье.